

Глава 10: Его Ярость

Он бы убил ее. Разорвал ее маленькое, слабое тело на части. Сломал кости в ее теле и слил ее кровь. Это все, что он мог придумать. Это было все, чего он хотел. Его сердце гремело в ушах, заглушая все остальные мысли кровожадным желанием.

Его тело было измучено болью; его плечо почти выскочило из сустава, когда он протаранил стену. Он едва мог видеть, его глаза наполнялись кровью, которая текла по его лицу. Но он мог чувствовать ее. Он мог ощутить ее дух - слабый и ранимый, едва привязанный к ее телу. Он чувствовал, как пульс скачет, хаотично и безумно. Там был страх, страх и слабость, которые сломили бы ее.

Он мог сломить ее. Он мог видеть это сейчас, мог чувствовать ее сердце в своих когтях. Это была ничтожная, хрупкая вещь, которую так легко лопнуть. Он чувствовал, как ее кости могут щелкнуть как палки простым движением запястья. Он чувствовал, как ее мышцы оторваны от конечностей и разделены волокнами. Он чувствовал, как кровь хлещет из ее рта при приступе кашля, ее язык бесполезно леденел во рту, ее глаза закатывались от боли. Он мог видеть это сейчас. Его дыхание стало тяжелым, когда красная дымка над его умом перешла в его частое сердцебиение.

Она была просто детенышем, и он не хотел ничего, кроме как изуродовать ее, пока она не стала не более чем грудой мяса и костей, чтобы висеть в его пещере рядом со всеми остальными. Ему бы это понравилось. Это было бы медленно и жестоко. Тяжело дыша, он вздрагивал в выжидательном экстазе, закрывая мерцающие глаза.

Она уже вырубилась на земле, кровь и желчь текли из уголков ее рта. Она упала когда-то после того, как он проломил стену. Ее руки были растянуты на камне, ее пылающие волосы сливались в лужу алого цвета, которая плавала вокруг ее головы. Ее глаза были закрыты, ее грудь вздымалась, когда она коротко вздыхала. Она умирала. Он помогал ей на ее пути. Волнение наполнило его тело, как тлеющий огонь, который распространился из его желудка. Жар заставил его кровь закипеть, пока он не распространился по его телу, пока не разразился палящим пламенем. Непрекращающийся стук его кровавой ярости никогда не угасал; скорее, он построен к крещендо, как бурные волны, которые разбились о его череп в болезненной мании. Когда его сердцебиение учащалось, и его мышцы сжимались, он чувствовал, что безумие снова наступает.

Он едва мог подумать, что мощный коктейль безудержной боли и гнева, протекающий по его телу, превращает его в бессмысленного зверя. Он был пьянящим и ослепляющим, жар и давление наполнили его голову и подтолкнули его к безумию. Он набросился на все в своем безумии, даже на себя, когда упал на колени с тупым стуком. Он хотел рвать, раздирать, и он делал это с нечеловеческим пылом.

Темные когти рвали его собственную кожу, создавая глубокие борозды на его коже и рисуя красные линии на груди. мех был разорван и спутан с кровью, его темные когти калечили все, что давало им пищу. Он выл и бил по земле, соскабливая пожелтевшие искры, которые летели в воздух. Он раздолбал стены пещеры и издавал сокрушенный вой, пока, наконец, не прошел бой безумия, и он не лежал на земле, задыхаясь.

Это она была причиной этого. Дымка красного еще не ушла из его разума, но эта мысль прорезала его, как разрезающий когти. Ужасная боль, мучительная ярость, это была ее вина. Она напала на него на его территории. Она заслуживала смерти. Задыхаясь, он встал, спина сгорбилась, когда он сгибался и хлопал суставами. С низким ворчанием он направился вперед,

правая рука раскрыта, когти вытянуты, и он приготовился толкнуть свое тело вниз, чтобы разрезать ее тело.

Он почувствовал, как кровь нагревается в его теле, его сердце скачет быстрее. Он бы разорвал ее на части. Да, это было правильно. Конечно, хотел бы. Теперь он приседал, опираясь на одну ногу. Он мог видеть это, кровь брызгала из ее рта. Ее глаза выпирали бы, когда он давил ее череп. Это было бы просто. Он стоял, сгорбившись, разминая руки. Ему казалось, ее кости ломаются под его пальцами. Ее слабое сердце стучит в ладони. Он мог видеть это. Он бы убил ее. Один шаг, два шага, и вдруг он очутился над ней.

Его голова кружилась, когда кровь снова и снова падала на его череп. Глубокая боль пульсировала по всему телу, но ему было все равно. Он посмотрел на ее сломанную форму, на ее умирающее тело, за которое она ему должна. Он спас ее, и она пыталась убить его. Сама мысль наполнила его гневным возмущением, глубоко укоренившимся унижением, которое он мог вернуть только кровью.

- Просыпайся, - он зарычал, единственное слово, которое было несравнимо трудно собрать через его гнев. Это был более гортанный, чем что-либо еще, звериный шум, который эхом отражался в пещере.

Ее глаза затрепетали, ее дыхание было легким и быстрым, когда она дезориентированно смотрела на окружающее её пространство, пробуждаясь в последний момент ясности, прежде чем ее пламя жизни погасло. Глаза, остановились на его надвигающейся фигуре, она смотрела на него с выражением, полным смеси удивления и страха. Он просто улыбнулся в ответ, давая ей гротескную вспышку острых, окровавленных зубов, как будто приветствуя ее обратно в мир живых.

В мгновение ока он схватил ее за горло и поднял ее за шею, горячая ярость заставила его дыхание рвануть, когда оно снова вспыхнуло. Борясь за дыхание, она пыталась с хрупкими руками раздвинуть его черные когти, которые глубоко проникли в ее бледную кожу и втянули тонкие следы крови в ее горло. Она была слишком слаба, чтобы даже надеяться на это. С гортанным рычанием он ударил ее о стену, острые, как ножи, зубы, скрипнули в предвкушении.

Он может убить ее прямо сейчас. Он может убить ее в одно мгновение. Это было бы так просто. Он сильнее сжал руку на ее шее, другая начала сдавливать ее висок. Она боролась, но ее движения становились слабее, а ее дыхание было все более неустойчивым. Ее сила оставила ее, ее тело хромало. Он чувствовал, как кости ее тела начинают ломаться.

Внезапно она схватила его за правую руку с новообретенной силой, палец распростерся, ладонь уперлась в мышцу. Она смотрела прямо на него, и он почувствовал пульс ее духа, когда он сиял в ее глазах. Она светилась в ее глазах. Он чувствовал, как она движется в него - ее сила течет в него. Ее дух присоединяется к его. Она смотрела прямо на него, эти яркие зеленые глаза широко открыты. Они ярко светились светящимся светом, из краев текли пучки фиолетового и белого цветов. Черные отметины на ее лице сияли, ее вены были видны прямо под ее бумажной белой кожей.

Этот белый блеск сиял из ее глаз, сливаясь в единую пылинку. Он пульсировал слабо, слабо, прежде чем переплыть на кончики его когтей. Одна нить соединила его с ее ртом, побежала ей в горло. С последним вздохом она прошептала:

- Брат, - всего одно слово. Слабый трепет в тишине пещеры. А потом она упала в обморок.

Прядь света порвалась, оставляя только мягко пульсирующую крапинку, парящую над его когтями. Она не сказала, но он почувствовал это.

Это была ее душа.

Не спеша, она погрузилась в его грудь. Он не мог двигаться, боялся двигаться. Его тело дрожало от нервного страха и неуверенности, когда это тепло наполняло его грудь. И чувствовал ее внутри себя, ее жизнь, ее душу.

Она сказала только одно слово, но оно потрясло его гораздо сильнее, чем любой удар. Шок струились по спине, заставляя мышцы падают слабины в своему удивлению. Его хватка ослабла и исчезла; она рухнула на землю, тело рассыпалось, когда она закашляла кровью. Дымка его кровавой ярости, которая подпитывала его уставшее тело, наконец, отступила, столп поддержки рушился в пыль. Весь его гнев и ненависть истощились в одно мгновение, оставив после себя лишь унылую пульсацию в его голове. Облачность, которая наполнила его, казалось, растаяла, одно слово пробилось сквозь туман его кровожадности. Сила покинула его тело, оставив только пронзительную усталость, которая достигла до костей.

Именно тогда он услышал знакомый голос.

Пощади ее, дитя мое. Она твоя сестра.

Земля заговорила с ним еще раз, молча с его рождения, но уже дважды за последние дни. Ее слова были как свет, пронизывающий дымку того, что осталось от его кровавой ярости. Пока он покачал головой, чтобы очистить свои мысли, раскаяние поселилось внутри него.

Но внутри него было несогласие. Он мог слышать мертвых в ушах, каждый голос был мягким, как шелковый поток, и все же вместе неуступчивый поток, который врезался в его череп и утопил его собственные мысли.

Ты смеешь отрицать нашу законную месть?

Они шипели на него, их слова плевали ядом ему в уши.

Глупый. Слабый. Недостойный.

Их требовательность доросла до крещендо, пока его голова не начала стучать от боли, а огонь - гореть в легких. Возмущенные вопли царапали его кости и зажимали в тиски его челюсть, пока давление не ослабело в волне ярости. И все же, когда его здравомыслие дошло до грани катастрофы, голос снова раздался.

Пощади ее, дитя мое.

На этот раз мертвые молчали. Была пауза, прежде чем в его голове раздался еще какой-то шум, и когда снова раздавались неохотные голоса мертвых.

Он говорит. Андахиэль говорит. Братья, мы слушаем.

Как и многие беспокойные змеи, мертвые втягивались в свои шипящие катушки. Давление все еще было там, всегда присутствовало и всегда напоминало, просто уменьшало. Они чувствовали себя сдержанными, скованными, хотя по выбору или силой этого не было видно.

Тем не менее, с мертвыми, которые теперь молчат, его путь был ясен. Она была его сестрой;

земля сказала, что это правда. Его стая, его кровь. Он должен был спасти ее. Он стиснул зубы, сильно очищая свой разум от затяжных ядов в попытке сосредоточиться.

Он чувствовал, как ее дух умирает рядом с ним, хрупкая вещь пульсирует все медленнее и медленнее. Потрепанной рукой он потянулся и нежно схватил ее слабую руку поисковыми когтями. Закрыв глаза, он чувствовал ее рядом с собой, ее дух медленно ускользал из умирающего тела. Раскаяние наполнило его сердце холодом, тяжесть его сожаления легла на плечи.

Он сделал это. Он почти убил ее.

Он медленно вдохнул. Глубокий вдох принес прохладный воздух, заполнивший уставшие легкие. Его сердце дико билось о ребра, его мышцы болели и горели, но он заставил себя успокоиться. Его закрученный ум изо всех сил пытался просеять бурю мыслей и смятения, пытаясь сопротивляться, чтобы игнорировать тепло в его крови и стук в голове, пока, наконец, он не мог больше принимать это и смягчился от разочарования. Он был слишком изможденным, слишком изнуренным и слишком уставшим, поэтому он остановился.

Он перестал думать и начал чувствовать.

Он чувствовал ночной воздух на рваной коже и сломанном объеме его тела, остывшем от солнца. Он чувствовал жжение своих ран, мокрую струю теплой крови, которая текла по его конечностям. Он мог почувствовать грохот своего сердцебиения, каждый импульс, посылающий волны жизненной силы, текущей по толстым венам.

Он чувствовал, как драгоценный камень черного цвета пылает жгучей жарой в его запястье, его глянцевая форма обернута в затененную вуаль. Он чувствовал непоколебимую землю в своей плоти, острый камень в когтях, пыл своего первородства, бушующий в его теле. Он чувствовал, как бьется его собственный дух, блестящий и сильный в груди. Он чувствовал привязанных мертвецов внутри себя, их потерянные души скручивались с едва сдержанным гневом и воспламенились от необходимости мести.

И он мог чувствовать ее. Он мог чувствовать дух, который она дала ему, слабый и нежный против бури, которую он держал в сосуде своей плоти. Он не знал, почему - это была ее душа и ее существо; это принадлежало ей. Он чувствовал себя чуждым ему, ее присутствие чуждо, когда она спряталась в его груди. Это было ее, чтобы давать, но не его, чтобы держать. Для того, кто чуть не убил своих родных, вот было первое воздаяние. Вернуть ее жизнь было бы началом его покаяния.

Взывая к узам, которые связывали душу с телом, он чувствовал, как ее дух медленно стекает от его груди вниз по руке. Он оставил след тепла и силы, где он путешествовал, когда он покидал его тело, затяжное тепло, которое медленно исчезало из его кожи. Он оставил за собой жизненный след. Это была та же самая жизнь, которую он вдохнул обратно в нее, обхватывая ее грудь, прежде чем погрузиться во плоть. Сильная конвульсия почти сломала ее позвоночник, когда дух полностью вошел в ее тело, отраженный всплеском боли для него, как трос, который связал ее дух с ним. Ее мышцы растянулись, глаза закатились, пальцы сжались, спина выгнулась, и кожа выпустила пар из ее пор, когда жизнь вошла в ее труп и снова заставила ее дрожащее сердце работать. В ее груди затрепетал внезапный спазм, который поднял ее с земли, прежде чем она рухнула. Затем ее дыхание выровнялось, ее пульс медленно становился устойчивым.

Но этого было недостаточно. Даже перед тем, как покинуть ее тело, ее дух был поврежден в их

борьбе, был изношен и разрушен и разрушен без восстановления. Вот так она и умрет.

Беспомощность погрузилась в его кости, из-за чего он был устал и изношен. Он опустился на колени, его руки безвольно висели по бокам. Искры летели от того места, где его когти ударили по камню, но ему было все равно. Она умрет.

- Сестра, - скулил он в последний раз, его горло было рваным и грубым.

Внезапный всплеск тепла наполнил его, ощущение жизненной силы и жизни, которое он вспомнил только однажды: в своем рождении. Это была сила земли, которая наполнила его тогда, когда поднялась от его ног к его животу и наполнила его огнем. Она текла через его грудь, задерживаясь вокруг его сердца, прежде чем, наконец, собраться на кончиках его когтей. Инстинктивно он прикоснулся к ним когда-либо нежно ко лбу, и блеск сиял, как Белое солнце, освещая всю пещеру. Пар шипел и поднимался из уголков ее глаз, ее суставы выкручивались и ломались, ее кожа глубоко покраснела. Когда треск прекратился, она успокоилась, словно во сне, глубоко дыша, и он вздохнул с облегчением.

Вера, дитя мое.

Она будет жить. Он не стал ее убивать.

Это была его последняя мысль, прежде чем его мышцы расслабились, и он увидел камень, поднимающийся навстречу ему. Его тело треснулось об скалу, но он не почувствовал боли. Он медленно закрыл глаза и погрузился в сон.

<http://tl.rulate.ru/book/15480/312234>